СОХРАНИТСЯ ЛИ СТАРЫЙ СВЕТ В НОВОМ МИРЕ?

Представляемый номер посвящен одной из ключевых тем отечественной политики и политической мысли – рассмотрению реалий европейской политики в контексте отношений России и зарубежной Европы. И дело не только в том, что на протяжении многих лет европейские государства были ключевыми экономическими партнерами Российской Федерации с внушительным объемом товарооборота. Столь весомый статус европейской тематики для отечественного дискурса глубоко закономерен и обусловлен исторически: начиная с петровской эпохи, европейские институты и нравы были референтными для образованных слоев русского общества. Со временем зарубежная Европа стала значимым *Другим* для отечественного самосознания и одновременно – осью идентификации. Поэтому инициированный (прежде всего политическим руководством Европейского союза) разрыв с Российской Федерацией – не только экономический и политический, но и культурный – стал весьма болезненным для отечественного социума. Если инициированный США конфликт с Россией имеет по преимуществу экономическое и политическое измерения, то травмирующее восприятие конфликта с Европой определено для российского гражданского и экспертного сообщества прежде всего его духовно-культурным содержанием.

Ключевым вопросом европейского бытия ныне является возможность сохранения его цивилизационной и политико-экономической субъектности. Значение Европы в качестве общемирового центра влияния важно как для нее самой, так и для нашего общества. В замечательно содержательном интервью журналу директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН А.А. Громыко прав: без России Большая Европа невозможна – Западная Европа и окружающие ее члены ЕС останутся лишь Малой Европой. На протяжении нескольких веков Западная Европа, географически являясь малой частью Евразии на периферии континента, имела статус неформального «центра управления» миром. Однако

в настоящее время приходится констатировать весьма печальную для наших соседей диспозицию: европоцентризм мировой политики давно ушел в прошлое, Европа для современных международных отношений все больше становится периферией.

Не в последнюю очередь это связано с эрозией в европейском социуме традиционных христианских норм и гуманистических ценностей, что в сочетании с демографическим кризисом может действительно привести к «закату Европы». Сценарий «Гибели Запада», как звучит название знаменитой книги в точном переводе, сегодня имеет не нулевую вероятность воплощения. Действительно, осмысление истории мировых цивилизаций подтверждает, что воспроизводство не гарантировано вне адекватных и результативных усилий.

При этом А.А. Громыко справедливо отмечает: укрепление российской идентичности не перпендикулярно европейской культуре и точно не равнозначно антиевропеизму, в случае которого существует опасность «вместе с водой» утратить и нечто много более ценное. В свое время Н.А. Бердяев отмечал «слабость срединной культуры» в России – исторически русская культура, в том числе политическая, характерна колебаниями в режиме маятника притяжения-отталкивания, а ее носители порой привержены крайностям – как в любви, так и в неприятии. И действительно, наиболее продуктивной стратегией в сохранении России как государства-цивилизации является концепт взаимовыгодного и взаимно уважительного диалога цивилизаций. Тем более это важно в связи с тем, что «однополярный момент» ушел в историю, контуры будущего мироустройства только формируются, эксперты обсуждают его возможную структуру – биполярность, полицентризм, их сочетание? И каким может быть этот / эти новый / новые порядок / порядки? Многосоставными или внутренне гомогенными структурами? Точный ответ на эти вопросы может дать время, однако ясно, что этот чаемый новый порядок не возникнет без напряженных и концептуально выстроенных усилий.

Успех в текущей глобальной конкуренции определяется многими факторами, среди которых не последнюю роль играют эффективность лидерства и управления, ресурсная обеспеченность, результативность проводимой политики. На европейских лидеров надежд пока не много – новое поколение европейских политиков серьезно идеологизировано и пока далеко от прагматизма, вне которого достижение успеха в глобальной конкуренции весьма сомнительно. Относительно ресурсной обеспеченности ЕС имеет наиболее слабые по сравнению с конкурентами – Китаем, США, Россией, региональными восходящими центрами глобального Востока и Юга – позиции. В наибольшей мере это касается энергообеспеченности. Представленный Ю.В. Боровским в данном выпуске анализ

энергетической обеспеченности и современного понимания Россией, КНР, США и ЕС концепта энергетической безопасности показывает существенную разницу подходов, обусловленную различиями в ресурсной состоятельности. Европейский союз, который критически зависит от импорта ископаемых энергоносителей, рассматривает энергетическую безопасность в первую очередь через призму надежности импортных поставок энергии. Как чистый нетто-импортер ЕС нуждается не только в безопасной и надежной, но и приемлемой по цене, экологичной и климатически нейтральной энергии. Заслуживает сожаления тот факт, что в понимании Брюсселя риски в данной области серьезно идеологизированы и увязываются главным образом с Россией. Характерно также, что акцент лидеров ЕС на климатической нейтральности в контексте «энергоперехода» позволяет трактовать эту увязку как направленную на достижение не только безопасности энергоснабжения, но также энергетической автономности. При этом исследования автора показывают, что лидеры ЕС ставят продвижение собственных энергетических интересов выше взаимовыгодного и равноправного энергетического сотрудничества с другими игроками.

Сырьевая обделенность ЕС во многом объясняет его возросший интерес к постсоветским государствам Центральной Азии, состоящий, как показывает Я.В. Лексютина, в стремлении использовать транзитные и инфраструктурные возможности региона для развития энергетических и транспортных путей в обход России, а ресурсный потенциал региона – для снижения зависимости от Китая в плане климатического и цифрового перехода. На фоне борьбы с энергозависимостью от России руководство ЕС упустило момент, когда его ресурсная зависимость от Китая превысила таковую от РФ. Приведенные данные впечатляют: 98% критически важных для ЕС редкоземельных материалов, 93% магния, 97% лития поступают в Евросоюз из Китая. Поэтому в настоящее время Брюссель предсказуемо развернулся к богатому сырьем центральноазиатскому региону в поисках противовеса Китаю посредством диверсификации поставок. Впрочем, политику ЕС в Центральной Азии определяет не только экономика: отчетливо просматриваются и геополитические соображения, состоящие в ограничении не только российского, но и китайского влияния. Геополитические соображения и ранее присутствовали в подходе ЕС к региону. Однако сейчас на смену прежнему «доброжелательному безразличию» к региону приходит стремление Брюсселя стать здесь активным геополитическим игроком, рассматривающим, что верно отмечено Я.В. Лексютиной, региональную конкуренцию с другими крупными акторами как игру с нулевой суммой. Однако пока европейскому объединению не удалось стать влиятельной геополитической величиной в регионе, что может быть связано как

с недостаточной ресурсной оснащенностью (в широком смысле – времени, эффективности, настойчивости), так и недостатком общей субъектности и мощи.

В контексте рассмотрения политики ЕС по отношению к другим геополитическим акторам представляет серьезный интерес – и академический, и прикладной – понимание соотношения национального и наднационального уровней принятия решений в Евросоюзе. Ю.Ю. Мельникова логично предлагает рассмотрение случая Германии в качестве референтного для этого ракурса. Вектором выглядит возрастание влияния наднациональных органов ЕС на национальную политику государств-членов, что ограничивает пределы самостоятельности стран и реабилитирует частичный отход исследователя от изучения роли государств в структурировании общеевропейских институтов в пользу анализа воздействия последних на своих участников. Адекватной методологической рамкой обоснованно избран дискурс «европеизации», позволяющий не просто зафиксировать обусловленность национальных политик наднациональной архитектурой ЕС, но также выявить границы национальной автономности и ее эволюцию на примере истории германо-китайского взаимодействия. Посредством концепта «европеизации» автор прослеживает постепенное проникновение элементов централизации в управление интеграционным объединением и последующую трансформацию национальных институтов, политик и моделей поведения в пользу общеевропейских. Убедительность выводам сообщает опора на результаты проведенного автором качественного анализа опубликованных за период 2020–2024 гг. документов, выпущенных ведущими аналитическими центрами Германии. Эмпирически подкрепленное заключение о том, что «смены вех» берлинской политики скоррелированы со значимыми сдвигами общеевропейской политики, позволяет сделать вывод об усилении влияния наднационального уровня на формирование национальных политик. Опора на опыт Германии как локомотива ЕС усиливает аргументацию и позволяет прогнозировать укрепление данной тенденции в условиях трансформации мирового порядка, в рамках которого востребована внутренняя консолидация Евросоюза для укрепления его конкурентоспособности.

Германия как экономический лидер ЕС обоснованно привлекает внимание, в том числе в рамках обсуждения военного измерения европейских реалий. Эксперты правомерно констатируют: уходят времена, когда страна была запасным на скамейке военных игроков – голос ФРГ звучит все громче в вопросах военной стратегии Европы. Германия прочно удерживает роль лидера среди европейских членов НАТО, оказывающего военно-техническую помощь киевскому режиму вопреки недовольству немалой части собственного общества. Причем правительство страны

с упорством, определенно заслуживающим более достойного применения, продолжает этот курс, несмотря на то, что предоставленные Киеву в 2023-2024 гг. вооружения, военная техника и участие инструкторов бундесвера в обучении кадров ВСУ не принесли ожидаемого результата, а оказываемая Киеву поддержка потенциально чревата прямым военным конфликтом ФРГ с РФ. С учетом данных обстоятельств и с точки зрения определения случайности или закономерности неудач бундесвера в подготовке подразделений Вооруженных сил Украины представляют интерес результаты сопоставления Ф.О. Труновым данного опыта с результатами участия бундесвера в подготовке армий Афганистана и Мали. Все три кейса очень различны, но их объединяет общий знаменатель – мотивация государства-организатора, который посредством института инструкторов и советников получает возможность опосредованного участия в военном управлении страной-рецепиентом. При этом государство-патрон имеет возможность влияния без выраженного эффекта иностранного присутствия. Убедительность выводам Трунова сообщают не только различия объектов подготовки, но и масштаб тренировочной деятельности инструкторов и советников ФРГ, которые к 2024 г. подготовили порядка 50 тысяч иностранных военнослужащих, что сопоставимо с численностью армии среднего по размерам государства. Тем не менее во всех трех странах результаты не оправдали ожиданий, о чем свидетельствуют развал афганской армии, утрата контроля над малийской армией, провалы украинских подразделений в достижении поставленных целей. Не исключено, что неудачи реципиентов стали проекцией несовершенства наставника – эксперты отмечают такие характеристики бундесвера, как бюрократизация, устаревшая материально-техническая база, дефицит кадров. Но более вероятно, что неоптимальное соотношение затраченных усилий и ресурсов, с одной стороны, и их результатов - с другой, могут быть интерпретированы как итог недостаточного учета специфических характеристик реципиентов и механического использования успешного в иной среде внешнего опыта.

Актуализация силового измерения немецкой политики получает развитие в статье А.П. Соколова, развернутой в плоскости исследования франко-германских отношений на новом витке европейской истории. Конфликтный диалог в рамках этого тандема более полутора веков выступал «нервом» внутриевропейской политики. После выхода Британии из ЕС в категории государств «высшей лиги» Евросоюза остались только Франция и Германия, и решение большинства ключевых вопросов общеевропейской политики во многом зависит от внутренних отношений в этом дуэте. Рассмотрение А.П. Соколовым способов использования руководителями этих стран украинского кризиса для решения внутриполитических

проблем отражает как текущие позиции обеих, так и их перспективные устремления, что обусловлено параметрами их статуса. Власти ФРГ поспешили использовать внешние обстоятельства как способ объяснения экономических трудностей, рычаг для репозиционирования роли и повышения статуса ФРГ в системе международных отношений посредством комплексного наращивания потенциала и организационно-управленческих характеристик бундесвера, ускорения «зеленого энергоперехода» и нивелирования энергозависимости от России. Существенным элементом этого процесса стал пересмотр принципов германо-российского взаимодействия. Франция как обладатель ядерного оружия и постоянный член Совета Безопасности ООН не видит необходимости менять свой международный статус по примеру ФРГ за счет фундаментального переосмысления подходов к внешнеполитической деятельности – внутриполитические конфликты (прежде всего экономической природы) не вышли за пределы суверенного контура страны.

Сюжет статьи А.А. Посаженниковой призван «закольцевать» европейскую тематику выпуска: концепция содействия развитию звучит некоторой, хотя и вольно трактуемой, аллюзией к «миссии белого человека». Рассмотрение опыта содействия развитию в качестве инструмента внешней политики стран Бенилюкс показывает разнообразие мотивов участия Бельгии, Нидерландов и Люксембурга в международной помощи развивающимся странам. Несмотря на некоторое (хотя и незначительное) мотивационное разнообразие трех стран, включающее в том числе этико-идеологический компонент, общим знаменателем и базовой мотивацией их практик в сфере содействия развитию является прагматизм – ориентация в той или иной мере на получение экономической выгоды и сохранение влияния в бывших колониях (Бельгия, Нидерланды), либо расширение возможностей в качестве финансового хаба, осуществляющего операции в том числе на растущих рынках (Люксембург).

Не стоит отрицать и имиджевую составляющую мотивации – использование технологий «мягкой силы» традиционно нацелено на создание благоприятного восприятия оказывающей поддержку страны в принимающем помощь социуме. Но все же базовая мотивация доноров – вполне прагматичная, что в целом соответствует менталитету данных обществ и позволяет провести линию из прошлого в будущее: европейская культура исторически многолика. В ней сочетаются идеалы ценностей и интересы цен. И в этом состоит не порок, а сила европейской культуры: в достойной пьесе причудливо переплетаются элементы драмы и комедии – однотонными и однозначными бывают лишь плоские ходульные сюжеты, подлинная культура глубока, как и отражаемая ею реальность, в которой одного лишь серого цвета – не менее пятидесяти оттенков… И потому есть основания

надеяться, что Старый Свет переболеет своей «недетской» болезнью «левизны», сохранит свою великую неповторимую культуру и, явив миру новые достижения, сохранит также свою цивилизационную субъектность…

О.В. Гаман-Голутвина,
главный редактор журнала «Сравнительная политика»,
член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной
политологии МГИМО МИД России, президент РАПН,
член Общественной палаты России и ОП Москвы,
заместитель председателя Общественного Совета
при Минобрнауки РФ